

Анна Стреминская

Вот моря Черного полоска

* * *

Первое слово ее было «мама»,
последнее слово ее было «плохо».
Между «мама» и «плохо» употребляла
множество слов вплоть до «ахов» и «охов».
Среди них были «кукла Лариса»,
«революция», «туфли из парусины»,
«Рабфак», «кондуктриса»,
«заплатите, мужчина!»
Были слова о любви и предательстве,
слова о голоде, страшные, как удар под дых.
Слова о замужестве, он называл ее «Ваше сиятельство» –
слова счастливые согревали жизнь молодых.
После «война», «бомбежка», «эвакуация»
налетели как черные птицы, и нет спасенья от них!
Следом за ними «гибель», «вдова», «ассигнации»,
«паек», «подросшие дети», «Победы миг».
И чем сильнее удар волны, тем больше камешков
остаётся на берегу. Слова – это камни морские
между «мама» и «плохо» – и будь их хоть сто мешков –
все равно поглотит их невидимая стихия.

* * *

Трамвай трясется, как повозка
с упряжкой лошадей усталых.
Вот моря Черного полоска
в окне дрожит с закатом алым.

И вспенила весна деревья,
повсюду розовое с белым.
И дева древнего поверья
заходит по-цыгански смело.

В вагон трясущийся заходит
она Кипридою из пены
да песню горькую заводит
о жизни и любви нетленной.

Почище древнего рапсода
она поет, гармонь терзая.
Вагон ей внемлет и природа:
закат, деревья, птичья стая.

Народ, истерзанный ковидом,
в чаду больного маскарада
на миг любовного повидла
отведает, что той отрады.

Поет цыганка, что довольно
любви, зрачками абиссиня,
что жить невыносимо больно,
невыносимо...

* * *

Благодарю, о Господь,
За океан и за сушу.

М. Цветаева

Во мне с недавних пор живет Эллада.
И я плыву на корабле «Эолос»
куда-то вдаль и приплываю к саду
цветущему, и слышу слово «Логос».
Здесь Логос надо всем царит начальный:
над мифами, над музами, богами,

над Сциллой и Харибдой, над печальной
Пандорой, над роскошными садами.
Источник всех наук, искусств, ремесел –
царит он над Олимпом и Парнасом.
Слышны там скрип уключин, всплески весел,
и Одиссей чарует всех рассказом.
На благодатной почве христианство
так проросло, что колосится нивой.
Возле Афона – аромат пространства,
и море пахнет медом. Быть счастливой
ведь так легко – лишь не терять свою Элладу,
ее покой и солнце, скалы, море,
монастыри в горах, воды прохладу
и полные величья Метеоры.
Течет оливковое масло света,
и олеандров цвет пронзает душу.
Евхаристò*, Господь, за землю эту,
евхаристò за море и за сушу!

* * *

По планете летают листья.
Полпланеты в огне осеннем.
И мистичнее всех мистик
этот праздник самосожженья!

Листья скомканными стихами
по планете летают древней.
И сгорающими словами
достигают углов вселенной.

Итальянские листья, французские,
португальские и австрийские
перемешаны с листьями русскими,
украинскими и грузинскими.

* Спасибо (греч.).

Вне политики, мимо распрей
флаги радужные несутся.
Шелестят они миру «Здравствуй!»
и летят мимо всех революций.

Сам Господь отрывает листья,
и летят они над Землею.
Бог – художник с легкою кистью
и поэт, что не знает покоя.

* * *

Как бы хотелось быть снова чистой тетрадью,
чтобы на снежных листах следов – лишь малость.
Чтобы душа стелилась бы белой гладью,
и прописями красивыми жизнь казалась.

И лишь каллиграфия птичьих следов тянулась,
и облака на листах моих отражались –
легкое небо над сетью беззубых улиц.
Боже, какой бы ясной мне жизнь казалась!

Но на страницах моих кровь и грязь зачем-то
с чистым снегом так грубо перемешались.
В волосы неба – закат заползает лентой.
Что на душе? – боль и страх, сожаленья, жалость...

Да утрат постоянных горькое ожерелье,
четки тоски, одиночества злой напиток.
Но надо всем – молитва звучит свирелью.
Божьего Слова парит белоснежный свиток.

* * *

Дело муравья – нести соломинки, палочки, прочий
строительный сор,
чтобы строить свой дом – не пришли чтоб разбойник иль вор,

не украли бы яйца, детей и имущество муравья.
Дом должен быть крепок – старается он не зря.

Тащи, муравей, букашек и крошки в свои закрома,
покуда ковид иль чума тебя не свели с ума.
Покуда огонь не съел твой шумящий лес,
тебя Бог не выдаст, и дикий кабан не съест.

Покуда шальная вода не вышла из берегов,
сделай крепкую дверь, запирай ее на засов.
И пока не пришел чужой кирзовый сапог,
и не снес твой дом – защищай, помоги тебе Бог!

Рассади детей на скамейке возле окна
и читай им сказки без грязного слова «война».
А убежище для муравья – это целый лес.
Сохрани тебя Бог, покуда ты не исчез!

* * *

Музыка твоего имени звучит в моей голове...
С музыкой твоего имени я иду по траве,
я иду по асфальту, а рядом поток машин.
Имя твое я слышу в хаосе лиц и спин.

Имя твое – колокольный звон и чуть-чуть свирель
на фоне быта, зимы промозглой, где плесень, прель.
Имя твое излучает свет и тепло,
когда между нами зимы ледяное стекло.

Твои поцелуи меня согреют на множество зим вперед –
даже когда состарятся мои щеки, глаза и рот.
Музыка твоего имени будет звучать во мне
в буднях тяжелых и в зыбком счастливом сне.